«Страшно, аж жуть!»

Рец. на: Архипова, А. С., Кирзюк, А. А. (2020). *Опасные совет ские вещи: Городские легенды и ст рахи в СССР*. М.: НЛО.

Наталья Сергеевна Петрова [1], [2]

✉ pena.talya@gmail.com
ORCID 0000-0002-6514-5601

[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Петрова, Н. С. (2020). «Страшно, аж жуть!» Рец. на: Архипова, А. С., Кирзюк, А. А. (2020). Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М.: НЛО. *Фольклор и антропология города, III*(1–2), 363–369. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-363-369.

"Real creepy!"

A review of: Arkhipova, A., Kirzyuk, A. (2020). *Dangerous Soviet things: Urban legends and fears in the USSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Natalia S. Petrova [1], [2]

✉ pena.talya@gmail.com
ORCID 0000-0002-6514-5601

[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
[2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Petrova, N. (2020). "Real creepy!" A review of: Arkhipova, A., Kirzyuk, A. (2020). Dangerous Soviet things: Urban legends and fears in the USSR. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. *Urban Folklore & Anthropology, III*(1–2), 363–369. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-363-369.

Аннотация представляет эту книгу как «первое антропологическое и фольклористическое исследование, посвященное страхам советского человека». Тут можно увидеть некоторое преувеличение: страхи, опасения и даже паники советского времени и ранее рассматривались с фольклористических позиций (см., например, [Бессонов 2009, Зеленина 2016, Майер 2008, Петрова 2013]). Тем не менее данная работа несомненно вызывает большой интерес советологов независимо от их институциональной принадлежности — историков, культурологов, антропологов, фольклористов.

О чем эта книга. Работа посвящена анализу городских легенд, «историй, фактически ложных, но правдоподобных для рассказчиков» (с. 7), которые авторы практически уравнивают со слухами, поскольку и те, и другие погружены в актуальную повседневность, но отделяют от детских страшилок, где преобладают рассказы о столкновениях со сверхъестественным.

При этом ракурс рассмотрения не столько текстологический, сколько прагматический: целью исследования названа попытка ответить на вопрос о причинах возникновения и популярности пугающих рассказов об отравленных жвачках или крысах в колбасе и объяснить, как они влияли на поведение людей. Как подчеркивают авторы, в отличие от историков, также занимающихся изучением слухов, фольклористы и антропологи не склонны искать в них прямых отражений исторических событий и непосредственных реакций на происходящее — они исходят из принципиального положения, что участие в распространении городских легенд «позволяет человеку (рассказчику или слушателю) совершить некую "работу" с этой реальностью, артикулируя наличие проблемы или символически решая ее» (с. 8). Здесь стоит отметить, что историки, равно как и фольклористы и антропологи, даже в рамках одной дисциплины могут придерживаться несовпадающих точек зрения на природу и методы изучения слухов. Разнообразию фольклорно-антропологических подходов к ним, кстати, посвящен специальный раздел книги (с. 14–73), о котором речь пойдет ниже. Что касается исторического осмысления феномена слухов, то подходы к ним в русле истории повседневности, политической имагологии, истории эмоций, исторической психологии и др. все же достаточно разнятся (историографический обзор исторических исследований слухов см., например, в статье [Гайлит 2018]), чтобы можно было бинарно противопоставлять антропологический ракурс рассмотрения слухов «историческому вообще».

В центре внимания авторов оказывается период с 1920-х до 1980-х годов, но более ранние либо поздние параллели приводятся достаточно часто, и ровно так же расширяется и географический охват, поэтому в книге о советских страхах можно встретить и разборы европейских слухов периода Первой мировой войны (с. 275–280), и разоблачение современной агитлегенды о распятом мальчике 2014 года (с. 160–164). Это масштабирует затронутые в исследовании проблемы и выводит его за пределы исключительно Soviet Studies.

На каком материале написана книга. Если судить по публичным дискуссиям вокруг исследования А. С. Архиповой и А. А. Кирзюк, часть приведенных в книге сюжетов и связанных с ними практик известна широкой аудитории («В "сифу" играли и в нашей школе, была поражена найдя в книге объяснение этой игре»[1], «Отдельный жирный плюс за путевку в детство: я (1979 г. р.) отлично помню рассказы про Смерть Советским Детям, красную пленку, красное печенье, коварных цыган, дохлую кошку в бочке с квасом и т.д.»[2]), часть неизвестна отдельным читателям («О некоторых из них приходилось слышать, другие же просто изумили»[3]). Это вызывает вопрос об источниках, на которых построена работа. На него подробно отвечает раздел «Как мы собирали городские слухи и легенды» (с. 62–70). К синхронным фиксациям текстов, интересующих авторов, относятся как официальные (информационные сводки органов политического надзора о настроениях масс — см., например, [Советская деревня 2000]; формулировки приговоров по статье 58-10 «Антисоветская агитация и пропаганда» [Эдельман 1999]), так и личные источники (дневники из собрания проекта «Прожито»[4], частная коллекция записанных слухов М. Д. Афанасьева). Привлекались также постсоветские письменные воспоминания.

[1] https://www.labirint.ru/books/726840/

[2] https://www.goodreads.com/book/show/48660574

[3] https://www.labirint.ru/reviews/goods/726840/

[4] https://prozhito.org/

Авторы провели и собственные полевые изыскания и записали 72 интервью (больше половины из которых пришлось на Москву и Московскую область), это дало возможность уточнить сюжетные детали и контекст бытования слухов и легенд, что далеко не всегда возможно сделать по отрывочным письменным текстам. Интервью, собранные авторами, дополнены материалами проекта по записи устной истории «Историческая память городов»[5] (о принципах сбора материала для проекта см. [Петров, Байдуж и др. 2019]). Кроме того, было организовано два дистанционных письменных опроса (преимущественно среди пользователей сети Facebook).

Как видим, каждый из названных видов источников в отдельности обладает определенной ограниченностью (сводки ОГПУ-НКВД-КГБ тематически избирательны, набор респондентов для интервью во многом определен ближним кругом собирателей, опросы недоступны для тех, кто не пользуется интернетом), но в сумме они создают достаточно репрезентативный корпус текстов советских городских слухов и легенд.

При этом, однако, не всегда понятно количество вариантов, с которыми работают авторы при анализе того или иного сюжета. Скажем, в разделе «Мао из гроба встает: светящиеся ковры и "китайская угроза"» (с. 145–152) содержится четыре отсылки к упоминаниям этой городской легенды в ответах на интернет-опрос. В списке опубликованных источников сюжета — один текст: интернет-журнал художника Василия Слонова, автора инсталляции 2015 года «Мао Цзэдун в гробу». Понятно, что прямые отсылки отнюдь не исчерпывают все исследуемые источники, но было бы интересно узнать общую распространенность и степень популярности таких рассказов.

Как устроена эта книга. Издание открывает историографическая глава (с. 14–73), кратко излагающая интерпретативный, психоаналитический, фольклорно-артикуляционный, меметический, операциональный и остенсивный подходы к изучению городских легенд в зарубежной фольклористике, социологии, культурной антропологии и социальной психологии и перечисляющая основные разновидности городских легенд (истории об отравленной еде, cokelore о необычных свойствах кока-колы, потребительские легенды, рассказы о краже органов, о терактах и катастрофах и др.). Сами авторы придерживаются позиции сочетания разных оптик (меметической, интерпретативной, операциональной) для анализа городских легенд:

Во-первых, городские легенды и слухи распространяются как «ментальные вирусы», они легко заражают своих «носителей». ‹…› Во-вторых, популярность получают легенды и слухи, которые содержат важное для сообщества скрытое сообщение, а работа антрополога и фольклориста заключается в дешифровке этого сообщения. ‹…› И наконец, скрытое сообщение об опасности может усилить моральную панику или спровоцировать ее и, как следствие, привести к вспышке агрессии (с. 61).

Такое соединение исследовательских ракурсов кажется вполне продуктивным, но несколько не хватает оценки возможных книжных либо медийных влияний на ретроспективные рассказы о советских слухах в письменных воспоминаниях либо устных интервью, анализируемых в книге: есть ли примеры столкновения с ложной памятью, привязывающей сюжеты позднего медийного происхождения к советскому прошлому?

Далее читателю предложены пять тематических глав. Вторая и третья («Опасные знаки и советские вещи» и «Как легенда стала идеологическим

[5] https://pastandnow.ru/

оружием») посвящены вертикальному, т. е. инициированному властями, распространению городских легенд, благодаря которому советские граждане массово считывали везде тайные послания внутренних и внешних врагов: профиль Троцкого на спичечной этикетке конца 1930-х годов, отравленные дары иностранцев времен Олимпиады-80. Чрезмерная семантизация быта превратила советскую повседневность в минное поле враждебных знаков, поиски которых провозглашались проявлением бдительности.

Следующие главы («Свои чужие опасные вещи», «Чужак в советской стране» и «Взрослые страхи и детские легенды») показывают, как близкие ранее рассмотренным сюжеты (об опасности бытовых вещей и даже продуктов, если их происхождение связано с этническими либо социальными чужаками или же и вовсе туманно) функционируют без внешнего давления, горизонтально и стихийно. Бытовавшая в советском обществе культура недоверия может быть не только проявлением наивного рационализма, когда потребитель делает выбор в пользу привычного, понятного и оттого безопасного товара (условный пирожок из официального магазина, а не с уличного лотка продавца-незнакомца), но и свидетельством беспокойства о безопасности. При этом опасения возникают не только в адрес «не своих» иностранцев (как в историях о личинках под кожей африканских гостей), но и «своего» государства (страшилки о черной Волге, похищающей людей). Недоверие институтам власти и контроля существует и в современном российском обществе, где оно также может выражаться в виде гастрономической конспирологии (см. об этом [Кормина 2015]).

Поиск легенд и слухов по тексту облегчается тематическим указателем сюжетов городских легенд (с. 474–486), в основе которого лежит выделение субъекта или объекта наносимого вреда. Пример (с. 480):

> 4. *Легенды об опасных действиях со стороны представителей власти и спецслужб*
> 4.1. Черные автомобили опасны для советского человека. Время появления: с 1930-х годов.
> 4.1.a. Черные правительственные машины увозят детей с неизвестной целью и в неизвестном направлении. С. 385–388.

Конечно, хотелось бы когда-нибудь увидеть этот указатель в формате инструмента для исследовательского поиска, а не только для ориентации по страницам книги: пока в нем не отражены ни отмеченные в самом тексте разновременные и разнолокальные параллели рассматриваемых сюжетов, ни структурные пересечения в его собственных частях. Например, в разделе 3.5.c. «Иностранец фотографирует советских женщин на специальную красную пленку, которая позволяет фотографировать одетых людей, но получать снимки обнаженных. Сделанные таким образом фотографии отдает журналистам, которые с их помощью показывают всему миру аморальность советских людей» нет никакой отсылки к разделу 4.2.d «Существует загадочный прибор/красные очки/фотоаппарат, изобретенный КГБ, позволяющий видеть и фотографировать людей голыми». Приведенные цитаты показывают также недостаточную унифицированность формулировок указателя.

Как написана эта книга. «Мы старались писать книгу так, чтобы исследования антропологов и фольклористов были понятны всем, а не только узким специалистам», — говорится в предисловии (с. 11). Ориентация на широкую доступность требует не только легкости стиля изложения, но и развернутых пояснений терминов (их перечень дан на с. 487): астротурфинг, моральная паника, остенсивное поведение, постпамять, фэйклор и др.

Установка на понятность и увлекательность, кажется, временами приводила авторов к слишком глобальным обобщениям и чрезмерно эффектным сопоставлениям. Например, стремление человека к гиперсемиотизации объясняется универсальными биологическими свойствами всех живых существ:

> Сам механизм поиска скрытых образов, группирование фигуры (особенно опасной фигуры) из точек, линий, пятен и объемов на однотонном (или сливающемся пестром) фоне, способность составить изображение из разрозненных объектов — механизм очень старый. Он много старше человека. Именно таким механизмом пользуются пчелы для обнаружения прячущихся хищников (с. 157–158).

Такой биологизм, как кажется, полностью нивелирует значение конкретно-исторического контекста, которому авторы уделяют много внимания, поясняя, каким образом на актуализацию определенного мотива в слухах могут повлиять как глобальные события сферы международных отношений, так и незначительные изменения повседневных практик. Далее, впрочем, подробнее рассматриваются социальные и психологические причины коллективных поисков скрытых знаков.

Не полностью удалось избежать в тексте и логических допущений. Так, в уже упоминавшемся разделе «Мао из гроба встает» (с. 145–152) вещественным аналогом светящегося в темноте китайского ковра из городской легенды названы узорчатые махровые полотенца, массово завозившиеся из Китая: «Необычный внешний вид полотенца расширял возможности его использования: его можно было также использовать в декоративных целях, для украшения квартиры. В частности, его вешали на стену как настенный ковер, что соответствовало советской моде» (с. 149). Отсылками к источникам, подтверждающим распространенность такой бытовой практики, это утверждение не подкреплено.

Зачем читать эту книгу. Работа А. С. Архиповой и А. А. Кирзюк знакомит читателей с популярными в советское время городскими легендами и слухами, тематически систематизированными; показывает, как в них актуализируются в конкретно-исторических ситуациях устойчивые сюжеты и мотивы (для чего приводятся их разновременные и международные параллели); объясняет механизмы этой актуализации и распространения текстов (в соответствии с антропологическими подходами к феномену слухов) и демонстрирует инструментарий фольклорно-антропологического исследования. Неспециалисту будет интересна показательная «расшифровка» занимательных историй, знакомых с детства либо по чьим-то рассказам. Фольклористы же увидят пример применения методологии нашей дисциплины (в частности, сюжетно-мотивного и семиотического анализа) к не всегда типичному для нее материалу (новейшей устной истории, официальным письменным документам и др.), познакомятся с новыми записями современного городского фольклора и смогут использовать составленный авторами указатель сюжетов.

Литература

Берелович, А., Данилов, В. (Ред.). (1998–2012). *Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т.* М.: Российская политическая энциклопедия.

Бессонов, И. А. (2009). Слухи и толки времен коллективизации и раскулачивания. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2009*(3), 23–25.

Гайлит, О. А. (2018). Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*, *4*(20), 42–52.

Зеленина, Г. С. (2016). «Отравленная вата» и «привитая гипертония»: истоки и функции слухов вокруг дела врачей. *Антропологический форум, 2016*(31), 119–154.

Кормина, Ж. (2015). Дрожжи-убийцы: гастрономическая конспирология и культура недоверия в современной России. *Антропологический форум, 2015*(27), 142–175.

Майер, А. С. (2008). *Московские городские легенды как исторический источник*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: Государственный университет гуманитарных наук.

Петров, Н. В., Байдуж, М. И., Матвеева, Э. Г., Радченко, Д. А., Рычкова, Н. Н. (2019). *Истории людей в цифровом формате: методические рекомендации по сбору и визуализации интервью*. М.: Неолит.

Петрова, Н. С. (2013). Апокалиптическая перепись 1937 г. В А. С. Архипова (Сост.). *Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве*, 179–187. М.: РГГУ.

Эдельман, О. В. (Сост.). (1999). *58-10: Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Аннотированный каталог. 1953–1991*. М.: Демократия.

References

Berelovich, A., Danilov, V. (Ed.). (1998–2012). *Soviet village through the eyes of the Cheka–OGPU–NKVD. 1918–1939. Documents and materials*. In 4 vols. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya. (In Russian).

Bessonov, I. A. (2009). Rumors and gossip of the collectivization and dispossession eras. *Current Problems of the Humanities and Natural Sciences, 2009*(3), 23–25. (In Russian).

Edelman, O. V. (Comp.). (1999). *58-10: Supervisory proceedings of the USSR Prosecutor's Office in cases of anti-Soviet agitation and propaganda. Annotated catalogue. 1953–1991*. Moscow: Demokratiya. (In Russian).

Gaylit, O. A. (2018). Research opportunities of rumors and the problems of studying them in the works of contemporary historians. *Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences", 4*(20), 42–52. (In Russian).

Kormina, J. (2015). The killer yeast: The gastronomic conspiracy and culture of distrust in contemporary Russia. *Forum for Anthropology and Culture, 2015*(27), 142–175. (In Russian).

Mayer, A. (2008). *Moscow urban legends as a historical source* (Doctoral dissertation abstract). Moscow: State University for the Humanities. (In Russian).

Petrov, N., Baiduzh, M., Matveeva, E., Radchenko, D., Rychkova, N. (2019). *People's stories in digitalised form: Guidelines for collection and visualization of interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).

Petrova, N. (2013). The apocalyptic census of 1937. In A. Arkhipova (Comp.). *Mythological models and ritual behavior in Soviet and post-Soviet space*, 179–187, Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian).

Zelenina, G. (2016). "Poisoned cotton-wool" and "injected hypertension": The origins and functions of rumors around the Doctors' plot. *Forum for Anthropology and Culture, 2016*(31), 119–154. (In Russian).